

возможным понимание, благодаря им понимание, насколько бы верным и проникновенным оно ни было, никогда не будет тождественно исходному тексту. Оно другое – даже тогда, когда исследователь держится чужого слова, стараясь не навязывать своих понятий и концепций. И в этом смысле мы говорим о понимании как поступке.

Философия поступка – одна из малоизученных сторон теоретического наследия М.М.Бахтина. Мыслитель высказывается о необходимости изучения проблемы «бытия-события», тесно связанной с понятием поступка: «Но этот мир-событие не есть мир бытия только, данности, ни один предмет, ни одно отношение здесь не дано, как просто данное, просто сплошь наличное, но всегда дана связанная с ним заданность: должно, желательно»⁵. И поскольку мир-событие не есть данность, он зависит от «эмоционально-волевого тона», иначе говоря, устремленности, нацеленности на осуществление должного, желательного.

Таким образом, позицию Бахтина можно охарактеризовать как динамическую установку. Она выражается в том, что «эмоционально-волевой тон» является неотъемлемой составляющей поступка, но, кроме того, он свидетельствует о «признании» (или непринятии) человеком мира. Признание, принятие – еще одна важнейшая категория философии поступка.

Вследствие динамической установки философия поступка, по мнению Бахтина, может быть лишь описанием, «феноменологией», поскольку «это событие [поступок] в целом не может быть транскрибировано в теоретических терминах, чтобы не потерять самого смысла своей событийности... Первая философия, пытающаяся вскрыть бытие-событие, как его знает ответственный поступок, не мир, создаваемый поступком, а тот, в котором он ответственно себя осознает и свершается, не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире (теоретически-абстрактная чистота поступка), но может быть только описанием, феноменологией этого мира поступка. Событие может быть только участно описано»⁶. Этому теоретическому убеждению Бахтина соответствуют наши методоло-

⁵ Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х гг. Киев, 1994. С. 35.

⁶ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 34–35.

гические подходы. Вместо готовых концепций и сетки понятий мы шаг за шагом следуем чужой мысли, ставя вопросы и получая на них ответы.

М.М.Бахтин понимает поступок очень широко: это не только нравственный поступок, но и мысль, чувство, художественное творчество. В своих философских статьях мыслитель имеет в виду первое главное значение, однако, более развернутыми и детально продуманными оказались литературоведческие исследования. В нашей работе мы будем изучать и нравственные поступки, и мысль как поступок, определяющий мир-событие героев: платоновского Сократа, сенековского стойка, персонажей романа «Братья Карамазовы».

Все три текста, на материале которых проводится исследование, включают в себя немаловажную художественную составляющую. Эта особенность – переплетение литературы и философии – тоже существенно определяет характер исследования. В частности, в романе Достоевского нельзя брать как готовую ни одну из звучащих в тексте мыслей героя или рассказчика и тем более нельзя приписывать их самому автору – они должны рассматриваться как часть целого мира-события. Кроме того, некоторые мысли вообще не выражены явно, раскрываясь лишь через поэтику: художественные приемы, композицию текста. Поэтому вычленение философской мысли из ткани классических произведений само по себе является непростой задачей.

В заключение добавим еще одно важное замечание: все три исследуемых текста являются итоговыми. В «Апологии» запечатлен суд, приговоривший философа к смертной казни. Как и великий грек, стоик Сенека умер преждевременно. Для обоих уход их жизни является итоговым поступком, вынужденным и в то же время добровольным, поступком, который подтверждает их учение.

Кроме того, как и «Письма к Луцилию», «Братья Карамазовы» являются последним, что вышло из-под пера великого писателя. В этом романе он пытается ответить на вопрос, поставленный в юности в качестве задачи всей жизни, – что такое человек.

Достоевский не только гениальный писатель, заговоривший о новых для XIX в. темах, изобразивший особенности своего современника. Мы находим у автора «Братьев Карамазовых» целостное понимание человека. В романе не просто ставится проблема спасе-

ния, но и дается путь ее решения. И это решение находится именно в сфере поступка, что роднит русский роман с классическими текстами античности.

Наше исследование не является ни историко-философским, ни литературоведческим, но описательным, феноменологическим в том смысле, в каком употребляет это слово М.М.Бахтин.

ЧАСТЬ I ПОСТУПОК КАК СЛУЖЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «АПОЛОГИИ СОКРАТА»)

Поведение философа на суде комментаторы всегда трактуют с некоторыми оговорками. А.Ф.Лосев отмечает «несколько необычный для традиционного образа Сократа гордый и самоуверенный тон его выступления»⁷.

Недоумение, столь заметное у Лосева, возникает у любого читателя «Апологии» не независимо от знакомства с глубокомысленными объяснениями и сложными концепциями. Например, Гегель видит в Сократе революционность зарождающейся субъективности, противопоставляющей себя полису⁸. Но разве теория великого немца утоляет жажду полноты понимания важнейшего для европейской культуры события? Несмотря на множество интерпретаций, суд над Сократом по-прежнему остается открытым вопросом. Конечно, пафос любого исследования заключается в том, чтобы, наконец-то выяснить, что произошло на самом деле. И наше не является исключением.

⁷ Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 688.

⁸ «Сам афинский народ вступил в период образования, когда единичное сознание отделяется, как самостоятельное, от всеобщего духа и становится для себя» (Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 10. М., 1932. С. 87).

Глава I. Защита Сократа против обвинений новых обвинителей

1. Защита против обвинения в развращении молодежи

Сократ делит свою защиту на две части. Сначала философ выступает против «обвинений, которым подвергался раньше», а уже потом «против теперешних обвинителей» (18a)⁹. Эти две апологии весьма отличаются друг от друга.

Прежние обвинители для Сократа страшнее, чем молодой Мелет, подавший жалобу в суд. Но мы начнем со второй апологии, которая многим исследователям кажется малосодержательной и даже софистической. Например, А.Ф.Лосев в критических замечаниях к тексту говорит: «Что касается логического аспекта “Апологии”, то здесь автор ее далеко не везде на высоте... Так, у Сократа одним из основных аргументов против какого-либо утверждения часто выступает здесь только отрицание этого последнего... В ответ на обвинение в развращении молодежи платоновский Сократ довольно беспомощно говорит своим обвинителем: а сами вы никого не развращали?»¹⁰.

Исходя из приведенной цитаты Сократ, по мнению Лосева, оказывается «не на высоте» именно тогда, когда выступает «против теперешних обвинителей». Однако, на наш взгляд, философ остается верен себе, защищаясь против Мелета и Анита. Более того, эта часть апологии помогает понять событие суда в целом.

Если в первой защитной речи философ рассказывает о своей жизни, посвященной служению богу, то во второй с помощью логических умозаключений показывает, что обвинения Мелета несостоятельны и легковесны. «Человек этот... подал на меня эту жалобу просто по наглости и озорству... Похоже, что он придумал загадку и пробует: заметит ли Сократ, наш мудрец, что я шучу и противоречу сам себе, или мне удастся провести и его, и прочих слушателей?» – так философ характеризует молодого обвинителя (26e–27a). Проследим, как Сократ справляется с его загадкой.

⁹ Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 71. Далее в ссылках на «Апологию Сократа» указывается только пагинация.

¹⁰ Там же. С. 689.

Обвинение Мелета состоит из двух частей:

Сократ развращает молодых людей;

богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения (25b).

Начнем по порядку – с обвинения в развращении. Последовательно задавая вопросы, Сократ добивается от Мелета сомнительного утверждения, что все помогают молодым людям стать лучше и лишь один он портит (25a). Вначале на вопрос, кто делает лучше, Мелет отвечает: законы. Но Сократ сразу поправляет его: не что, а кто.

Заметим, философ не спрашивает сразу: так ли – все граждане Афин делают лучше, один я порчу. Нет, Сократ предлагает Мелету последовательно отвечать на вопросы, первыми называя судей (24e):

– Что ты говоришь, Мелет! Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

– Как нельзя более.

– Все? Или одни способны, а другие нет?

– Все.

– ...И какое множество людей, полезных для других!

По-гречески последние слова звучат более иронично, чем в приведенном переводе: *καὶ πολλὴν ἀφθορίαν τῶν ὠφελούντων*, что буквально означает «целая пропасть помощников».

Помощников уже много, но Сократ продолжает задавать вопросы: а слушающие, а члены Совета¹¹, а те, что участвуют в Народном собрании¹², тоже делают юношей лучше? И Мелет всякий раз отвечает утвердительно. Таким образом, мудрец на деле показывает, что наглый обвинитель относится к той породе людей, которые заискивают перед властью и судом, о чем не раз скажет Сократ в апологии (34c).

Итак, Мелет лжет в угоду судьям и присутствующим в ди-кастерионе афинянам. Ложь портит молодых людей, следовательно, он подпадает под своё же обвинение, о чем и заявляет Сократ: «Впрочем, Мелет, ты достаточно показал, что никогда

¹¹ «Члены Совета – присутствующие на суде “булеветы”, т. е. члены высшего органа власти в демократических Афинах». См.: *Платон*. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 694, прим. 26.

¹² «В народном собрании могли принимать участие все граждане мужского пола, достигшие 20 лет». См.: там же. С. 691, примеч. 1.

не заботился о юношах, и ясно обнаруживаешь своё равнодушные: тебе нет никакого дела до того самого, из-за чего ты привел меня в суд» (25с).

Ситуация проясняется. Но значит ли это, что Мелет будет обвинен, а суд, приняв во внимание ложь-порчу, привлечет наглеца к ответу? Важно, что еще в самом начале защиты Сократ выдвинул контробвинение, чтобы обратить взгляд суда в противоположную сторону: «А я... утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать это и вам» (24с). И, как мы убедились, Сократ действительно успешно это показал.

Впрочем, возможен был и другой исход – прекращение суда ввиду несостоятельности обвинения. Однако ни того, ни другого не происходит. Суд машины суда ничуть не сбивает меняющее всё обстоятельство – ложь Мелета.

Это вызывает тем большее удивление, что философ не раз предостерегает дикастерион от ошибки, призывает судей смотреть на само справедливое (греч. *σκοπεῖν δίκαια*): «Смотреть только на то, буду ли я говорить правду [*δίκαια*, буквально «справедливое». – Л.К.], или нет, в этом ведь и заключается долг [*ἀρετή*. – Л.К.] судьи, долг [*ἀρετή*. – Л.К.] же оратора – говорить правду» (18а).

В русском переводе греческое слово *ἀρετή* передано словом «долг»¹³. В процитированном высказывании задета важнейшая для античности проблема тождества доблести и самости, которую переводчик «перефразирует» в проблему тождества этики и онтологии, должного и бытия. Без обращения к первоисточнику эта неточность при чтении перевода осталась бы незаметной, но она весьма существенна для понимания. В дальнейшем в ситуациях, когда требуется прояснить мысль Сократа либо проследить логическую связь однокоренных слов, мы так же будем указывать в квадратных скобках греческие соответствия словам русского текста.

¹³ В древнегреческо-русском словаре А.Д.Вейсмана *ἀρετή* переводится как доблесть, добродетель, совершенство, превосходство, достоинство. В нашем тексте мы намеренно ограничились лишь первым значением.

Вернемся к затронутой важной теме. Изменение смысла высказывания в результате замены «доблести-арете» «долгом» можно оценить, сопоставив две фразы: «суд должен быть справедливым» и «суд есть справедливый суд». В первом случае даже несправедливый суд все-таки остается судом. Во втором, напротив, несправедливый суд собой уже не является. Справедливость – доблесть суда, которая делает его судом.

В «Апологии» мы найдем немало высказываний, задевающих тему самости и арете: «О, мужи судьи, – вас-то я по справедливости могу называть судьями», – обращается Сократ после вынесения приговора к тем, кто голосовал против карающего решения. Из этих слов явствует, что остальных мудрец вообще не считает судьями (40а). Подобный же ход мысли мы встречаем в другом месте: «Если придешь в Аид, освободившись... от так называемых судей, и найдешь там судей настоящих...» (41а).

Философ требует внимания суда к доблести-арете теми же словами, что и заботы о самости: «... Не заботиться ни о чем своем раньше, чем о себе самом... не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе» (36с). Смотреть только на справедливое, заботиться только о самом себе и только о самом городе – в этих высказываниях открывается пейзаж античной мысли: доблесть, самость, своё. В «Апологии» мы не найдем рассуждений философа, позволяющих точно разделить понятия, отделить «самость» от «своего», однако здесь запечатлены поступки и движения мысли Сократа, которые позволяют сделать это, так что мы еще не раз вернемся к данной теме.

Мудрец призывает суд обратиться к справедливому. И сам он делает то же: «Ибо я верю, что то, что я буду говорить, – правда [δίκαια], и пусть никто из вас не ждет ничего другого» (17с). Апология полна подобными заверениями. Начиная речь, Сократ просит извинения и позволения говорить на своем языке, языке чужака, т. е. как привык, первыми попавшимися словами, но считает: «Так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости [δίκαιον], как мне кажется, – позволить мне говорить по моему обычаю» (18а). Иными словами, философ не просто обещает говорить справедливое, но и то, как он это делает, санкционировано справедливостью и законом: «Отвечай, добрейший, ведь и закон повелевает отвечать» (25d).

Сократ оговаривает также последовательность защиты: «И вот правильно будет [*δίκαιός εἰμι*¹⁴ – буквально «я есть справедливый»]... если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергся раньше» (18а). Прежде чем закончить апологию против Мелета, мудрец заявляет: «Впрочем, о мужи афиняне, что я невиновен [*οὐκ ἄδικῶ*¹⁵] в том, в чем меня обвиняет Мелет, это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств, довольно будет и сказанного» (28а).

Защищающийся постоянно подкрепляет свою речь ссылкой на свидетелей. Показывая причину славы и клеветы, Сократ призывает в свидетели бога в Дельфах, в буквальном переводе предоставляет (*παρέξομαι*) (20ε). А то свидетельство, в свою очередь, подкрепляет другим – брата умершего Херефонта (21а).

Философ готов также предоставить свидетелей, которые подтвердят незаконность обвинения Мелета: «У самих развращенных, пожалуй, еще может быть основание защищать меня, но у их родных, которые не развращены, у людей уже старых, какое может быть другое основание защищать меня, кроме прямой и справедливой уверенности, что Мелет лжет, а я говорю правду» (34б). Значит, и по этой части судебного порядка Сократ совершенно обеспечен.

Философ демонстрирует также доказательства своей безупречной доблести, благодаря которой бессмысленно приводить его в суд ради наказания. Доказательства эти известны всем присутствующим на суде. Первое – случай, когда Сократ, оказавшись у власти, с риском для жизни отказался пойти против справедливости и закона (32б). И второе – когда не подчинился тиранам. Позже все признали их приказ несправедливым (32 с). В пользу обвиняемого говорит и тот факт, что за всю свою жизнь Сократ ни разу не был приведен в суд.

Когда судебное разбирательство подходит к концу, мудрец заявляет: «Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное [*εἰ οὖν δεῖ με κατὰ τὸ δίκαιον τῆς ἀξίας τιμᾶσθαι*], то вот я что себе назначаю – даровый обед в Пританее» (37а). В данном переводе пропущено целое словосочетание – «по справедливости (*κατὰ τὸ δίκαιον*). Буквально же философ говорит, что должен по справедливости назначить заслуженное. Старик

¹⁴ Буквально: «я есть справедливый».

¹⁵ Буквально: «не поступаю несправедливо».

настаивает на этом и поясняет, почему он предлагает для себя поощрение, а не наказание: «Убежденный в том, что я не обижаю [ἀδικεῖν] ни одного человека, ни в коем случае не стану я... назначать себе наказание» (37b). Итак, все, о чем говорит и что делает Сократ в дикастериионе, свойственно суду, «свое» для суда. Мудрец неуклонно следует справедливости и закону, всякий раз подчеркивая это.

2. Защита против обвинения в безбожии

Итак, мы убедились, что с первым обвинением Мелет потерпел полное поражение и показал себя лжецом. Защищаясь против второго, философ начинает с того, что предлагает молодому человеку выбрать:

1) «то ли, что некоторых богов я учу признавать, а следовательно, и сам признаю богов, так что я не совсем безбожник и не в этом мое преступление, а только я учу признавать не тех богов, которых признает город, а других, и в этом ты меня и обвиняешь...

2) или же ты утверждаешь, что я вообще не признаю богов, и не только сам не признаю, но и других этому научаю» (26с).

Мелет отвечает: «Вот именно, я говорю, что ты вообще не признаешь богов». Как и в случае с «развращением юношей» наглец выбирает то, что соответствует более категоричному и тяжкому обвинению. Мудрецу остается только констатировать противоречие, ибо в жалобе записано: «Богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения» (24с).

В обвинении, как его Сократ огласил суду вначале, нет той двусмысленности, которую можно и нужно было бы выявить. Из него никак не выводима вторая формулировка. Сократ предлагает Мелету два разных по силе обвинения и ссылается на непонимание: «Дело в том, что я не могу понять, что ты хочешь сказать...» (26с). Получив ответ, Сократ «забывает» о двусмысленности, которой и не было в жалобе, и заявляет, что Мелет противоречит себе. Таким образом, предоставляя выбор, философ вновь дает Мелету возможность показать себя. А молодой человек, уже потерпевший одно поражение, слепо хватается за придуманное Сократом обвинение в абсолютном безбожии.